П. М. Мелioранскій.

ТУРЕЦКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ ЯЗЫКѢ

„СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1902 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

3360
25

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII (1902), кн. 2, стран. 273 — 302.

Турецкіе элементы въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ“.

Турецкія и иныя восточныя слова, заимствованныя русскими чрезъ посредство турокъ, составляютъ несомнѣнно одну изъ любопытнѣйшихъ темъ, которыми можетъ задаться русскій тюркологъ. Для разработки ея однако необходимы не только спеціальныя знанія въ области восточныхъ языковъ, особенно въ исторіи, фонетикѣ и діалектологіи турецкаго языка, но также болѣе или менѣе обширныя свѣдѣнія по части исторіи, фонетики и діалектологіи языковъ славянскихъ, а въ особенности русскаго языка. Мало того, для научнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, возникающихъ при изслѣдованіи словъ, заимствованныхъ русскими изъ языковъ мусульманскаго Востока, необходимо и извѣстное знакомство съ индоевропейской лингвистикой, по скольку она соприкасается съ языками и нарѣчіями славянскими и русскими. Въ двухъ послѣднихъ научныхъ областяхъ свѣдѣнія наши далеко не такъ основательны и полны, какъ этого требуетъ обширность и сложность нашей темы, а потому одной изъ главныхъ цѣлей настоящаго доклада[1]) является желаніе вызвать славистовъ, знатоковъ русскаго языка и лингвистовъ вообще на возраженія, замѣчанія и дополненія, которыми мы съ

1) Предлежащая статья представляетъ собою нѣсколько переработанный докладъ, читанный авторомъ 20 декабря 1901 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Импер. Русскаго Археологическаго Общества.

благодарностью могли бы воспользоваться при дальнѣйшихъ нашихъ занятіяхъ, начатыхъ нами уже болѣе года тому назадъ, образчикомъ которыхъ и служитъ настоящій докладъ, посвященный лексикологіи «Слова о полку Игоревѣ» (при дальнѣйшемъ цитированіи СПИ). Существованіе хорошаго изданія текста этого памятника, сдѣланнаго Д. Дубенскимъ (Русскія Достопамятности. Часть третія. Слово о плъку Игоревѣ. М. 1844; при цитатахъ Д) и извѣстнаго изслѣдованія Е. В. Барсова (Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. М. 1887; при цитатахъ: Б I, II, III) значительно облегчаютъ трудъ всякому берущемуся за пересмотръ тѣхъ или другихъ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ, и это обстоятельство, равно какъ и сравнительное обиліе восточныхъ элементовъ въ языкѣ его, послужили намъ основаніемъ остановиться для начала именно на немъ. Мы дали себѣ трудъ разсмотрѣть по мѣрѣ силъ всѣ слова изъ СПИ, которыя прямо или косвенно идутъ изъ турецкаго языка, или были принимаемы за восточныя другими толкователями «Слова». При этомъ необходимо имѣть въ виду, что систематическое изслѣдованіе собственныхъ именъ восточнаго происхожденія въ «Словѣ» мы оставляемъ до другого раза и лишь мимоходомъ коснемся нѣкоторыхъ изъ нихъ.

---

1) *Блъванъ*. Прежде всего необходимо уяснить себѣ значеніе этого слова въ СПИ. Большинство изслѣдователей толкуетъ его, какъ «идолъ», но Б III, 20—24 не соглашается съ такимъ толкованіемъ, и, хотя не безъ колебаній, останавливается на значеніи «крѣпостная башня, крѣпость». Мы не можемъ примкнуть къ такому толкованію потому, что 1) Б. не доказалъ, что слово «блъванъ» въ какихъ-нибудь другихъ древне-русскихъ памятникахъ значило «крѣпостная башня» (πύργος); для этого въ русскомъ языкѣ существовало самостоятельное слово «столпъ»; 2) въ русскомъ языкѣ вообще слово «болванъ» имѣетъ значенія:

идолъ, статуя, колонна, грубая модель человѣческой головы (напр. для париковъ или шляпъ), громоздкій обрубокъ или кусокъ чего-нибудь (напр. желѣза) и т. п. и наконецъ служитъ извѣстнымъ браннымъ словомъ для грубаго, безчувственнаго, безтолковаго человѣка, причемъ очевидно это значеніе выработалось изъ значеній: идолъ, обрубокъ и т. п.[1]) Въ XVIII вѣкѣ русскія модницы называли еще «болванчиками» своихъ ухажпвателей, что конечно равносильно называнію возлюбленнаго «кумиромъ», какъ справедливо указалъ Ѳ. Е. Коршъ (Archiv für slavische Philologie 1885, VIII, 651)[2]). Такимъ образомъ значеніе «крѣпостной башни» для слова «блъванъ» пришлось бы принимать исключительно для одного разсматриваемаго мѣста СПИ, а это конечно очень трудно. Б. указалъ еще, что при игрѣ въ рюхи рюха, ставящаяся при извѣстныхъ условіяхъ вертикально, называется «болваномъ»; онъ полагаетъ, что эта рюха изображаетъ въ игрѣ крѣпостную башню. Однако такое значеніе этой рюхи во всякомъ случаѣ очень неясно, а въ виду того, что она называется, сколько намъ извѣстно, гораздо чаще «попомъ», можно думать, что названіе ея просто указываетъ на ея стоячее, вертикальное положеніе, и «болванъ» и при игрѣ въ рюхи значитъ не болѣе какъ «столбикъ». Изъ лицъ, толковавшихъ «блъвана» СПИ, какъ «идолъ» или «статуя» особенно замѣчателенъ П. С. Савельевъ, указавшій на то, что близъ Тмутаракани «почти до прошедшаго (т. е. XVIII) столѣтія стояли двѣ колоссальныя статуи, воздвигнутыя божествамъ Сапегу и Астартѣ за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Комосаріей, супругой босфорскаго царя Перисида» (Б III 24). Къ объясненію Савельева примкнули Шевыревъ и Потебня, но Б. все-таки считаетъ его очень натянутымъ, говоря, что эти колоссальныя статуи какъ для автора «Слова», такъ и для самихъ половцевъ, были конечно не болѣе какъ памятниками древности

1) Весьма неудачнымъ съ исторической и эстетической точки зрѣнія кажется намъ толкованіе «блъвана» СПИ, какъ браннаго слова, обращеннаго къ Кончаку. Это толкованіе предложено А. И. Лонгиновымъ въ «Историческомъ изслѣдованіи сказанія о походѣ князя Игоря», 1892, стр. 77.

2) Эта статья Ѳ. Е. Корша далѣе будетъ цитироваться Arch. VIII, IX.

и, быть можетъ, такъ же малопонятными, какъ для насъ загадочны южнорусскія каменныя бабы. Однако представить себѣ такого рода хладнокровное «археологическое» отношеніе половцевъ къ подобнаго рода статуямъ, совершенно невозможно для людей сколько-нибудь знакомыхъ съ бытомъ и духовнымъ развитіемъ кочевниковъ турецкаго племени, хотя бы напр. современныхъ киргизовъ (казаковъ). Такъ напр. въ статьѣ Бабаджанова[1]) мы читаемъ, что найденная въ Астраханской губерніи въ пескѣ каменная баба сейчасъ же возбудила среди киргизовъ суевѣрные толки. «Они заподозрили въ истуканѣ присутствіе таинственныхъ силъ и чудеснаго свойства исцѣлять недуги; словомъ, къ нему уже успѣли возъимѣть какое-то набожное уваженіе». Другой фактъ беремъ изъ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1892, № 63[2]). «Въ 200 верстахъ отъ Семипалатинска въ отрогахъ горъ Чингизъ-тау, прилегающихъ къ рѣкѣ Чаганкѣ, есть пещера Конуръ Ауліе. Недалеко отъ входа въ пещеру съ лѣвой ея стороны лежитъ статуя въ человѣческій ростъ, хорошо сохранившаяся и изображающая женщину. Этотъ истуканъ служитъ до сихъ поръ предметомъ поклоненія для туземцевъ, между прочимъ и для киргизовъ. Больные киргизы и киргизки приходятъ для совершенія молитвъ и омовенія священною водою озера[3]) и т. д. Пещера сильно загрязнена скотомъ, который пригоняется сюда киргизами въ случаѣ появленія на скотѣ какихъ либо болѣзней. Здѣсь-же киргизы закалываютъ барановъ, совершая вѣроятно жертвоприношенія» и т. д. Подобнымъ же почитаніемъ пользуются и статуи неизвѣстнаго происхожденія, находящіяся близъ Сергіополя, которыя народною молвою поставлены въ связь съ извѣстной легендой о «Козу Кёрпёш» и «Баjан Сулу».

Итакъ мы рѣшительно высказываемся за то, что и «тьмуто-

1) См. Этнографич. Сборникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1864, вып. VI, смѣсь, стр. 10.

2) Номеръ Сибирскаго Вѣстника, откуда эта статья была перепечатана, остался намъ недоступенъ.

3) Въ пещерѣ имѣется озеро.

роканьскый блъванъ» СПИ былъ какой-то статуей, возбуждавшей къ себѣ суевѣрное почитаніе со стороны половцевъ, и—кто знаетъ? — можетъ быть, и пѣвецъ Слова въ глубинѣ души не вполнѣ былъ убѣжденъ въ суетѣ вѣрованія половцевъ въ этомъ случаѣ.... Конечно прямо утверждать, что это была одна изъ статуй, воздвигнутыхъ Комосаріей, мы бы не рѣшились. Что касается происхожденія этого слова въ древнерусскомъ языкѣ и въ другихъ славянскихъ, то многіе считаютъ его заимствованнымъ восточнымъ словомъ, и чаще всего оно сближается съ персидскимъ پهلوان, pählävän, весьма рано перешедшимъ и въ турецкій языкъ. Однако это сближеніе кажется намъ весьма мало вѣроятнымъ. Во-первыхъ значеніе слова پهلوان — «богатырь, герой, борецъ, молодецъ» очень мало подходитъ къ значенію «статуя, идолъ, столбъ», а именно это и есть наиболѣе частое и безспорно наиболѣе древнее значеніе слова «блъванъ» въ русскомъ языкѣ. Бранным словомъ پهلوان на Востокѣ также никогда не былъ, наоборотъ это—ласковое, одобрительное обращеніе, въ родѣ русскаго «молодецъ». Конечно *значеніе* слова есть вообще нѣчто неустойчивое; самые неожиданные переходы значенія словъ наблюдаются въ языкахъ, но все-же необходимо было бы указать путь, по которому могъ бы совершиться переходъ отъ «витязя, молодца» къ «идолу, столбу». Попытка Ѳ. Е. Корша[1]) въ этомъ направленіи, принять переходнымъ значеніемъ для pählävän'а «изображеніе, статуя героя», насъ не удовлетворяетъ, такъ какъ такое значеніе не удостовѣряется для этого слова ни въ персидскомъ, ни въ турецкомъ языкѣ. Затрудненія со стороны формы также немаловажны. Дѣло въ томъ, что даже въ современномъ народномъ персидскомъ языкѣ это слово звучитъ именно «pählävän» безъ всякихъ измѣненій или сокращеній (см. В. А. Жуковскій, Образчикъ персидскаго юмора, Зап. Вост. Отд. Имп. Р. А. Общ. I, стр. 316). Такъ-же «pählävan» или «pählivan» звучитъ оно въ большинствѣ современныхъ

1) Arch. VIII, 651.

турецкихъ нарѣчій, не исключая даже такихъ «вульгарныхъ» текстовъ у османлы, какъ тексты народныхъ пьесъ Кара гёз'а, турецкаго «Петрушки» (D-r I. Künos, Orta ojunu 1889, стр. 8 и VIII томъ «Образцовъ» В. В. Радлова, стр. 408). Правда, въ *современномъ* сартскомъ и киргизскомъ (казацкомъ) нарѣчіи это слово превратилось въ устахъ народа въ «палуан, палван» (см. Ильминскій-Катаринскій, Киргизско-русскій словарь; Наливкинъ, Сартовскій словарь), даже форма «балуан» однажды встрѣтилась намъ въ III томѣ «Образцовъ» В. В. Радлова (стр. 272). Однако *современныя намъ* формы «палуан, палван» очень трудно предположить существовавшими уже въ X—XI вѣкахъ нашей эры въ какомъ-нибудь турецкомъ діалектѣ. Если предположить, что «блъванъ» выработалось изъ «pähläван» уже на русской или на славянской почвѣ, то переходъ въ «pählван, пльван, плъван» допустить пожалуй возможно, но «ослабленіе» начальнаго «п» въ «б» остается нѣсколько страннымъ [1]).

Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ предложенное Ф. Миклошичемъ сближеніе со словомъ «балабанъ» (بالابان) (Lexicon palaeoslovenicum и Die türkischen Elemente in den südost- und osteurop. Sprachen). Прежде всего замѣтимъ, что смѣшеніе Θ. Е. Коршемъ словъ بالابان и پهلوان положительно недопустимо: звуковые переходы, необходимые для полученія بالابان'а изъ پهلوان'а намъ совершенно неизвѣстны, а нахожденіе въ нѣкоторыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ одновременно обоихъ этихъ словъ съ ясно различающимися значеніями дѣлаетъ смѣшеніе, предполагаемое Θ. Е. Коршемъ, еще болѣе невѣроятнымъ. Въ то-же время и отвѣтъ на вопросъ, могъ-ли русскій «блъванъ» получиться изъ турецкаго «балабан'а» очень труденъ по причинѣ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ:

1) всѣ идущія здѣсь въ разсчетъ слова имѣютъ или могутъ имѣть въ исторіи языка совершенно особую судьбу вслѣдствіе своего своеобразнаго звукового состава, ибо таковы вообще

1) Другимъ примѣромъ такого перехода п || б могло-бы служить слово «булатъ» изъ «pulad» (پولاد, فولاد).

слова, состоящія изъ одинаковыхъ или почти одинаковыхъ слоговъ, да еще съ повторяющимися въ нихъ «плавными» (л, р);

2) слова, однозвучныя съ турецкимъ «балабан'омъ» или звучащія очень похоже, имѣются въ русскомъ языкѣ, какъ намъ кажется, независимо отъ какихъ бы то ни было заимствованій;

3) слово «балабан» имѣетъ и въ турецкомъ языкѣ нѣсколько значеній, которыя едва-ли могутъ быть сведены къ одному первоначальному.

Такъ напр. въ рязанскомъ говорѣ «балабáнъ» значитъ «пустомеля», въ тверскомъ — «баловень, шалунъ». Отъ значенія «пустомеля» недалеко уже и значеніе «junak, fanfaron», какъ переводитъ Карловичъ слово «ɓaɫaɓan» въ польскомъ языкѣ (Jan Karłowitz, Słownik wyrazów etc. 1894—1897). Эти и имъ подобныя слова, въ родѣ «балабóла, *болтунъ* (олонецкій), балабóлка, *человѣкъ непостоянный въ своихъ словахъ* (новгор. кирил.), балабóлить, *говорить пустяки* (моск. верейск. новгор. тихв.), балабóлка, *пустомеля* (моск. верейск.) и т. п. не имѣютъ, по всей вѣроятности, ничего общаго ни съ турецкимъ «балабанъ», ни съ близко звучащими турецкими словами بلبانلانمق, балбанланмак, *говорить съ трудомъ*, *какъ пьяный* и بالبلانمق балбалланмак, *говорить съ трудомъ*. Подобныхъ, въ основѣ своей звукоподражательныхъ, словъ можно привести много изъ самыхъ разнообразныхъ языковъ и предполагать заимствованіе, по нашему мнѣнію, нѣтъ основаній[1]). Османскіе лексикографы Ахмедъ Вефикъ паша и Сами бей всего подробнѣе говорятъ о значеніи слова «балабан» (بالابان), которое, по ихъ увѣренію, первоначально значитъ: «животное или предметъ съ большою головою, большеголовый». Отсюда развилось названіе нѣкоторыхъ видовъ птицъ, напр. сокола, выпи. Значеніе сокола для слова بلابان, балабан, довольно древнее, такъ какъ встрѣчается уже въ Codex Cumanicus, памятникѣ куманскаго, т. е. половецкаго

1) Въ бѣлорусскомъ языкѣ есть еще слово «бáлванъ», *шалунъ*, *баловень*, *дуракъ*, вѣроятно изъ «бáлованъ» отъ «бáловáць», Русскій Филологич. Вѣстникъ 1889, № 2, стр. 205.

языка начала XIV вѣка. Въ киргизскомъ (казацкомъ) нарѣчіи это слово звучитъ «балапан» и имѣетъ значеніе «птенецъ», вѣроятно въ связи съ первоначальнымъ значеніемъ «большеголовый». Изъ этого же значенія выработалось наиболѣе обыкновенное въ турецкомъ языкѣ значеніе этого слова «огромный, толстый, большой». Особнякомъ повидимому стоитъ значеніе «большой барабанъ»; можетъ быть отъ него происходитъ русское слово «барабанъ». Если-же несмотря на турецкихъ лексикографовъ значеніе «соколъ, выпь» будетъ признано неудобнымъ выводить изъ значенія «большеголовый, огромный»[1]), то придется принять трехъ независимыхъ другъ отъ друга «балабан'овъ» въ турецкомъ языкѣ. Съ фонетической точки зрѣнія передѣлка слова «балабан» (а тѣмъ болѣе приводимой нѣкоторыми лексикографами побочной формы «балбан») въ «блъванъ» является довольно естественной, но значенія «статуя, столбъ» слово بلابان балабан, ни въ одномъ турецкомъ языкѣ не имѣло и не имѣетъ, такъ что и этотъ предполагаемый прототипъ слова «блъванъ» представляется намъ въ концѣ концовъ не особенно подходящимъ.

При такомъ положеніи дѣла мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь новое предположеніе В. В. Радлова, не образовалось-ли русское слово «блъванъ» изъ орхонско-турецкаго «балбал» (𐰃𐰚𐰃𐰚)[2])? Балбалами называются въ орхонскихъ надписяхъ статуи въ родѣ извѣстныхъ каменныхъ «бабъ» и даже каменные столбики, въ родѣ тумбъ, ставившіеся цѣлыми вереницами при могилахъ знатныхъ лицъ по числу и въ память убитыхъ покойнымъ втеченіе всей его жизни враговъ[3]). Смысловое совпаденіе при этомъ предположеніи получается полное; съ фонетической

1) Между прочимъ Даль въ своемъ словарѣ объясняетъ «балаба́нъ» какъ «видъ большаго сокола, употребляемаго для травли зайцевъ».

2) Dr W. Radloff, Die alttürkischen Inschr. der Mongolei 1895, стр. 235. Объясненіе значенія турецкаго балбала, данное тамъ же В. Радловомъ, теперь уже оставлено.

3) Изображенія орхонскихъ балбаловъ можно найти въ атласахъ «Трудовъ орхонской экспедиціи», изданныхъ Радловомъ.

точки зрѣнія, намъ кажется, не трудно предположить въ словѣ «балбал» диссимиляцію, въ результатѣ которой получилась-бы форма *балбан, а отсюда *балван[1]). Къ сожалѣнію слово «балбал» пока найдено еще только въ каракиргизскомъ нарѣчіи и притомъ въ той-же формѣ хотя съ нѣсколько измѣненнымъ значеніемъ (Зап. Вост. Отд. XII, вып. II, стр. 4); вообще же исторія этого слова въ турецкомъ языкѣ недостаточно выяснена, а потому и мы считаемъ наше предположеніе еще не окончательно доказаннымъ.

Считаемъ однако нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о предполагаемомъ нами происхожденіи слова «балбал» въ орхонско-турецкомъ языкѣ. Турецкой этимологіи это слово не имѣетъ, звукоподражательнымъ его довольно трудно признать въ виду его значенія, а потому весьма естественнымъ является предположить, что оно заимствовано орхонскими турками изъ какого-нибудь иностраннаго языка. Уже покойный В. П. Васильевъ (W. Radloff, Die alttürk. Inschr. 1895, стр. 235) думалъ найти его прототипъ въ комбинаціи китайскихъ словъ «бай, *поклоняться*» и «бей, *памятникъ съ надписью, надгробный памятникъ*». «Бай-бей» значило бы «надгробный памятникъ, поставленный для оказанія кому-либо почтенія». Къ сожалѣнію В. П. Васильевъ не развилъ подробнѣе своей гипотезы и ни слова не сказалъ о фонетическихъ трудностяхъ отожествленія комбинаціи «бай бей» съ «балбал»; кромѣ того его предположеніе стоитъ въ связи съ отвергнутымъ теперь (см. выше) объясненіемъ значенія турецкаго «балбала». Мы склонны были бы считать прототипомъ орхонскаго слова «балбал» комбинацію китайскихъ словъ «бей-мень» (碑文) или въ западно-европейской транскрипціи «pei-wên». Эта комбинація означаетъ въ китайскомъ языкѣ «надпись на столбѣ», а въ обыкновенномъ разговорѣ и «столбъ съ надписью» (См. Arendt, Studien zur chinesischen Inschriftenkunde, стр. 188

1) Нѣкоторую, правда, отдаленную, аналогію представляютъ двѣ формы персидско-турецкаго слова «караванъ» — كاربان и كاروان, а также турецкое قاراواش изъ قاراباش, *рабыня*.

въ Mittheilungen des Seminars für Oriental. Sprachen, Jahrgang IV). На орхонскихъ «балбалахъ» также встрѣчаются надписи, такъ напр. на первомъ балбалѣ при гробницѣ Бильге хана значится: «Это — каменный балбалъ (въ память) шада Тӧлесовъ» (шадъ—древнетурецкій титулъ, Тӧлесы — племя), см. W. Radloff, Die alttürk. Inschr. der Mongolei, 1895, стр. 243. Невольно думается, что «балбал» первоначально значило то же, что и чистотурецкое «бітіг таш, *камень съ надписью, исписанный камень, памятникъ*», тоже встрѣчающееся въ орхонскихъ надписяхъ. Китайская комбинація, произносящаяся теперь «бей мень», несомнѣнно въ древности произносилась иначе. Вопросы о древнекитайскомъ произношеніи, исторіи и діалектологіи китайскаго языка пока еще мало разработаны, но все-же можно утверждать, что гіероглифъ «бей» произносился въ древности между прочимъ «бай, байк» и даже «bal»; гіероглифъ «мень» также произносился различно, между прочимъ, какъ «мань, mal» и даже «bal»[1]). Такимъ образомъ орхонскіе турки могли слышать (въ VII, VI вѣкѣ по Р. Х.?) комбинацію «бей-мень» въ формѣ «bal-мань, bal-mal» и даже «bal-bal». Возникаетъ интересный вопросъ, не было-ли такого турецкаго племени, которое знало-бы это слово не въ формѣ «балбал», а напр. въ формѣ *балман, изъ которой уже весьма легко могъ получиться *балван. Конечно все это пока лишь предположенія, но, на нашъ взглядъ, далеко не лишенныя вѣроятности.

2) *Боянъ*. Мы примыкаемъ къ господствующему теперь толкованію этого слова, какъ собственнаго имени пѣвца, воспѣвавшаго старыхъ князей, причемъ оставляемъ въ сторонѣ сложный вопросъ объ его русскомъ или болгарскомъ происхожденіи, объ его историчности или миѳичности, но позволяемъ себѣ замѣтить, что имя это—восточнаго происхожденія. Легендарный родоначальникъ монголовъ носилъ имя «Дубун-Баjан» или «Дубун-Буjан» (см. варіанты у F. Erdmann'a Temudschin der Uner-

1) Справкою о произношеніи этихъ двухъ гіероглифовъ мы обязаны молодому синологу А. И. Иванову.

schütterliche, стр. 533); вмѣсто «Бојан, Буjан» въ этомъ имени въ нѣкоторыхъ источникахъ стоитъ «märgän» (مرگن), а это заставляетъ насъ признать тожество или близость въ значеніи этихъ словъ, какъ элементовъ собственнаго имени. «Märgän» значитъ «искусный стрѣлокъ, охотникъ; мудрый ловкій человѣкъ» и т. п., что довольно близко подходитъ къ эпитету Бояна въ СПИ.—«вѣщей». «Бајан» встрѣчается, какъ составная часть собственнаго имени, еще у алтайцевъ и киргизовъ (казаковъ). Какъ нарицательное, это слово имѣетъ въ монгольскомъ языкѣ значеніе «богатый, зажиточный, обильный; богатство». Корень его «баі, *богатый, имѣющій свое хозяйство*» имѣется и въ турецкомъ языкѣ [1]).

3) * *Боярин*ъ [2]). Если искать прототипъ этого слова въ турецкомъ языкѣ, то наилучшимъ является предложенное Θ. Е. Коршемъ кокандское слово بایار бајар, *вельможа, знатное лицо* (Arch. IX, 492). Корнемъ его по всей вѣроятности служитъ то-же «баі» (بای), о которомъ шла рѣчь при словѣ «Боянъ». Турчизмъ слова «бояринъ» для насъ не безспоренъ, ибо 1) оно, какъ титулъ, не встрѣчается ни въ одномъ древнемъ турецкомъ памятникѣ, 2) неизвѣстно въ громадномъ большинствѣ современныхъ турецкихъ нарѣчій, а тамъ, гдѣ извѣстно, не исключена возможность обратнаго заимствованія этого слова турками у русскихъ. Послѣднее даже вѣроятно для нарѣчій казанско-татарскаго и туркменскаго [3]). Въ заключеніе замѣтимъ, что слово «быля» и его турецкій прототипъ не слѣдуетъ смѣшивать съ «бояринъ», такъ какъ «боляринъ» есть позднѣйшая уже «искаженная» на русской почвѣ форма этого слова, и кромѣ того конечный «р» («боляр») при прототипѣ «боля» всетаки яв-

---

1) Ср. Б I, 327—340, Б III, 38 и Arch. IX, 487—488.

2) Звѣздочка при словѣ означаетъ, что слово это встрѣчается въ СПИ исключительно въ другой грамматической формѣ (въ другомъ падежѣ, числѣ и т. п.).

3) Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ засѣданіи И. В. Аничковымъ и В. А. Жуковскимъ выяснилось напр., что туркмены, называя русскаго господина, барина «бајар», называютъ даму, барыню—«мäтӯшкä» (матушка).

ляется необъяснимымъ. Противоположное мнѣніе высказывали Миклошичъ, Die türk. Elem. стр. 30 (съ оговоркою «можетъ быть») и болѣе рѣшительно Р. Брандтъ, Русскій Филологич. Вѣстн. 1889, № 2, стр. 210 и Марквартъ, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, стр. 40—41.

4) **Бусый*. Происхожденіе этого слова изъ турецкаго языка кажется намъ очень сомнительнымъ, несмотря на сближенія и предположенія, сдѣланныя Казем-Бекомъ (Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря, изд. II Отдѣленіемъ Акад. Наукъ I, 36), Ф. Миклошичемъ (Die türk. Elem. I, 30), Матценауэромъ (Cizi Slova, 126) и Θ. Е. Коршемъ (Arch. IX, 492). Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ турецкихъ діалектовъ, а также (насколько мы можемъ полагаться на реконструкцію вообще) и въ древнетурецкомъ языкѣ предполагаемый прототипъ этого слова звучитъ и звучалъ «боз». До извѣстной степени точно форма этого слова можетъ быть установлена и для куманскаго, т. е. половецкаго діалекта, такъ какъ въ Codex Cumanic., стр. 108 встрѣчается слово «boxag» со значеніемъ «gamelin», т. е. «темный», которое по всей вѣроятности слѣдуетъ разлагать на боз + аӈ т. е. «сѣробѣлый»[1]). Въ арабской транскрипціи بوز это слово мы находимъ и у Абу Хайяна[2]), и въ «Ein türkisch arabisches Glossar, 1894, изданномъ M. Th. Houtsma (стр. 64)[3]). Итакъ весьма вѣроятно, что куманы-половцы произносили его «боз», а «з» на концѣ слышалось даже навѣрное. Θ. Е. Коршъ указывалъ, что въ сѣвернотурецкомъ произношеніи вмѣсто «з» является «с», но 1) если брать это произношеніе, то нужно принимать произношеніе «пос», а не «бус»; 2) древность сѣвернотурецкаго произношенія не установлена;

---

1) Ср. D-r W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. S. 73.

2) См. كتاب الادراك للسان الاتراك, стр. ۴۰.

3) Оба эти сочиненія трактуютъ объ языкѣ во всякомъ случаѣ очень близкомъ къ куманскому. См. о нихъ въ нашемъ изслѣдованіи «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», стр. VIII—IX.

3) сношенія русскихъ въ XII вѣкѣ и раньше съ сѣвернотурецкими племенами дѣло очень мало вѣроятное.

Правда въ современномъ казанско-татарскомъ мы находимъ желанное «у» (буз), но не находимъ конечнаго «с», и кромѣ того казанско-татарское «у», по общепринятому взгляду, новѣе XII-го вѣка. Словомъ пока не будутъ указаны причины, по которымъ турецкое «боз» должно было на русской почвѣ перейти въ «бус» (мы особенно настаиваемъ на необъяснимости въ данномъ случаѣ перебоя о || у), мы будемъ считать это заимствованіе недоказаннымъ.

При нашихъ разсужденіяхъ мы исходили изъ чтенія Е. В. Барсова, но въ текстѣ СПИ стоятъ слова «босымъ» (о волкѣ) и «босуви» (о вранахъ); при такомъ чтеніи заимствованіе слова «боз» становится болѣе вѣроятнымъ. Что-же касается «времени Бусова» (Д. 132), то въ этомъ мѣстѣ «Бусъ» можно толковать, какъ собственное имя[1]). Для объясненія этого собственнаго имени вполнѣ возможно привлечь слово بوز буз, *ледъ*, тѣмъ болѣе, что даже конечный «з» появляется въ географическихъ названіяхъ, собранныхъ Н. Аристовымъ, но для объясненія слова «бусый=сѣрый» привлеченіе слова بوز, *ледъ* неумѣстно (Ср. Матеріалы I, 190).

Казанско-татарскій глаголъ بوصانماق бусанмаk, *раздражаться, сердиться*, стоитъ въ турецкомъ языкѣ совершенно особнякомъ и можетъ быть заимствованъ татарами у русскихъ, см. Б III 59 «побусѣть (отъ злости)».

5) **Быля*. Значеніе этого слова («вельможа, бояринъ») установлено уже давно, а Θ. Е. Коршъ (Arch. IX, 491—492), какъ намъ кажется, вполнѣ доказалъ, что форма «быля» правильнѣе чѣмъ принимаемая нѣкоторыми «быль» (Б III, 63). Ак. Тихонравовъ весьма удачно сблизилъ это слово съ встрѣчающимся въ византійскихъ источникахъ титуломъ βοιλᾶς, βολιᾶς. Оріенталистъ Марквартъ собралъ недавно всѣ начертанія этого титула[2]), а

1) Н. Аристовъ, О землѣ половецкой, стр. 11.

2) Die Chronol. der alttürk. Inschr. стр. 40—41.

именно у Θеофана βοιλᾶς, βοηλᾶς, множ. число: βοιλάδες, позднѣе у Константина Багрянороднаго βολιάδες и правильно, по нашему мнѣнію, сопоставилъ этотъ титулъ съ орхонско-турецкимъ «бojла» или «буjла» ()[1]). Сочетанія въ турецкихъ словахъ «j + слѣдующій согласный» въ устахъ русскихъ претерпѣваютъ нерѣдко перестановку: «согласный + j». Такъ напр. «арьянъ» получилось изъ «ajран, *кислое молоко*», «готя́нъ» (арханг. шенк.) изъ «ǥajтан» (гайтанъ); вѣроятно сюда-же надо отнести «курдюкъ» изъ «kujpyk, *хвостъ*, черезъ «kurjyk». Подобнымъ-же образомъ изъ «бojла́, буjла́» могло получиться «болjа́, булjа́» или «болꙗ́, булꙗ́», а уже затѣмъ безударное «о» (или «у») перваго слога перешло въ «ы» — «былꙗ́»[2]). По нашему предположенію слово это заимствовано русскими прямо изъ какого-нибудь турецкаго діалекта безъ посредства греческаго языка. Слово это встрѣчается въ рѣчи Святослава: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговьскыми былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Ольберы». Какъ замѣтилъ уже Дубенскій (Д 139, прим. 69), Ярославъ Черниговскій далъ въ помощь Игорю какъ разъ отрядъ ковуевъ, принадлежавшихъ къ турецкому племени, такъ что весьма вѣроятно, что старшины ихъ носили турецкій титулъ «былꙗ́» (изъ «бojла́»). Намъ думается, что могуты, татраны и т. д. суть именно части этого племени ковуевъ (такъ называемыя «отдѣленія» племени или сильные, многочисленные роды). Изъ ихъ названій этимологизируется безъ всякихъ натяжекъ слово «Топчакы», которое, какъ

1) V. Thomsen, Les inscriptions de l'Orkhon, стр. 131 транскрибируетъ «bujła». D-r W. Radloff, Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Die Inschrift des Tonjukuk, S. 4, 6, 12 и въ другихъ мѣстахъ предпочитаетъ «boila». «O» и «y» въ орхонской письменности выражаются однимъ знакомъ.

2) И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ замѣтилъ намъ, что безударное «о» непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ въ древнее время не переходило въ «ы». Въ южно-великорусскомъ языкѣ это однако несомнѣнно возможно, см. М. Колосовъ, Обзоръ звуков. и форм. особенностей нар. русск. языка, стр. 96. Конечно можетъ быть для этого требуется предварительный переходъ «о» въ «а», но это уже подробность.

турецкое нарицательное, означаетъ особой породы лошадь (توپچاق топчаk, буквально значитъ «шарикъ»), что замѣчено уже И. Н. Березинымъ (Москвитянинъ, 1854, VI, 70). Съ нѣкоторыми колебаніями мы позволили бы себѣ сопоставить «шельбировъ» съ калмыцкимъ [illegible] шilбӱр, *арапникъ*, *бичъ*, или монгольскимъ [illegible] *весло*, а «ольберовъ» съ [illegible] ölӱбӱр, *хворый*, *слабый здоровьемъ*. Отношеніе турецкаго языка къ монгольскому вообще еще мало-выяснено; есть слова искони общія обоимъ языкамъ, есть заимствованныя ими въ разныя времена другъ у друга, наконецъ извѣстно, что нѣкоторыя современныя турецкія племена носятъ монгольскія названія, такъ что невозможными наши двѣ послѣднія этимологіи назвать нельзя, но особенно мы на нихъ не настаиваемъ [1]).

6) *Дивъ*. Какъ бы мы себѣ ни представляли это существо СПИ, происхожденіе самаго слова изъ персидскаго языка является нѣсколько сомнительнымъ въ виду тогдашняго персидскаго произношенія «да̄в», на что справедливо указалъ уже Ѳ. Е. Коршъ (Arch. IX, 497).

7) *Женчюгъ*, *жемчюжну* (душу). На турецкое происхожденіе этого слова впервые справедливо указалъ Френъ. Прототипомъ его онъ считаетъ татарское ينجو, причемъ указываетъ на возможность перехода начальнаго j (ى) въ ц (ج) уже на турецкой почвѣ [2]). Далѣе на него указывали И. Н. Березинъ (Москвитянинъ 1854, VI, 70) и Матценауэръ (Cizi Slova, 92), ограни-

1) Такимъ образомъ пониманіе нами рѣчи Святослава расходится съ толкованіемъ Е. В. Барсова (II, 46 и 229). Мы находимъ его поправку искусственной и противорѣчащей лѣтописи, по которой Игорь фактически *получилъ* вспомогательный отрядъ отъ Ярослава изъ ковуевъ, который жестоко пострадалъ въ бою съ половцами (Лѣтоп. по Ипатск. сп., стр. 434). Предположеніе, что Ярославъ хотѣлъ дать ему сверхъ ковуевъ еще какихъ-то «былей», ни на чемъ не основано. О турчизмѣ ковуевъ, см. Н. Аристовъ, О землѣ половецкой, стр. 5, и П. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, стр. 147—149.

2) Указаніемъ на пріоритетъ Френа въ этомъ вопросѣ мы обязаны барону В. Р. Розену. Переходы ج въ z, s, sch, о которыхъ Френъ говоритъ тамъ-же, отчасти для насъ неясны, отчасти невѣрны. См. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen etc. 1823, S. 88.

чившійся указаніемъ на турецкій прототипъ этого слова îndžû [1]). Для исторіи этого слова весьма важенъ недавно установленный фактъ, что Жемчужною Рѣкою называлась въ древности (въ VII, VIII вѣкахъ по Р. Х.) въ Средней Азіи Сыръ Дарья. Въ орхонскихъ надписяхъ она называется «jïnčŭ ŭgŭz» или «jänčŭ ŭgŭz» [2]); въ средневѣковыхъ китайскихъ текстахъ она называется «tschön tschu ho» т. е. «рѣка настоящаго жемчуга». По мнѣнію Маркварта, не всѣми впрочемъ раздѣляемому, къ значенію «настоящій жемчугъ» сводится и пехлевійское названіе той-же рѣки «Jaxšārt», см. J. Marquart, Die Chronologie der alttürk. Inschr. стр. 5—6. Синологъ Ф. Гиртъ говоритъ, что слово tschu, *жемчугъ*, въ китайскомъ языкѣ очень древнее (встрѣчается уже въ Schu-King'ѣ), комбинація же «tschon-tschu, *настоящій жемчугъ*, не древнѣе 128 года до Р. Х.; по его мнѣнію возможно, что орхонско-турецкое «jänčŭ» есть заимствованное китайское «tschön tschu», хотя въ концѣ концовъ онъ оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ [3]). Для насъ существенно то, что уже въ VIII в. въ орхонско-турецкомъ языкѣ было слово «jänčŭ» со значеніемъ «жемчугъ». Во многихъ современныхъ западно-турецкихъ діалектахъ начальный «j» со слѣдующимъ гласнымъ переходитъ въ «ц» или «ж». Случаи такого перехода съ достовѣрностью установлены теперь для очень древняго времени, такъ напр. древнетурецкій титулъ «jabḡu» (𐰚𐰃𐰍𐰆) звучалъ у нѣкоторыхъ турецкихъ племенъ (предположительно — предковъ современныхъ западныхъ турокъ) «цабḡу» [4]). Изъ одного такого «дже-кавшаго» или «же-кавшаго» діалекта и перешло въ русскій языкъ слово

---

1) Другія сопоставленія, дѣлаемыя при этомъ словѣ Матценауэромъ, гораздо хуже; отчасти даже совершенно невозможны.

2) Звукъ послѣ «j» по всей вѣроятности былъ весьма закрытымъ «ä» близкимъ къ «i».

3) См. Die alttürkischen Inschr. der Mongolei, Zweite Folge, 1899, Nachworte zur Inschrift des Toujukuk, стр 80—83.

4) Форма جبغويه у Ибн-Хордадбега, см. de Goeje, Bibliotheca geogr. arab. VI, 17, f., В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію, стр. 126 и E. Hirth, Nachworte zur Inschr. des Toujukuk, S. 46.

*жäнчӱ, въ древнерусской формѣ «женьчюгъ, жьнчугъ»[1]) и т. п.[2]). Для объясненія конечнаго «г» въ русской формѣ этого слова можно сдѣлать два предположенія: 1) дательный падежъ слова «жäнчӱ» въ турецкомъ языкѣ будетъ «жäнчӱгä»; эта форма должна была очень часто встрѣчаться въ турецкихъ фразахъ вродѣ «что заплачено *за этотъ жемчугъ*, какая цѣна *этому жемчугу*, сколько просятъ *за этотъ жемчугъ*», и т. п. Вслѣдствіе этого это слово легко могло быть заимствовано въ формѣ не именительнаго, а дательнаго падежа. Такіе факты не безпримѣрны: слово باش баш, *голова*, перешло въ русскій языкъ несомнѣнно въ формѣ дательнаго падежа «башка»; на подобный же примѣръ изъ современныхъ русско-турецкихъ отношеній указываетъ и В. В. Радловъ въ своей Phonetik der nördlichen Türksprachen II, S. 155—156 Anmerk., а именно русско-турецкое, если возможно такъ выразиться, слово «мунчага, *баня*, возникло несомнѣнно изъ формы дательнаго падежа مونچەغە мунчаҕа. 2) Возможно также, что «жäнчӱ» передѣлано русскими въ «женьчюгъ» по аналогіи съ довольно многочисленными русскими словами на -угъ, -югъ, такъ какъ исходъ на «ӱ» или «ю» въ именительномъ падежѣ именъ русскому языку совершенно несвойствененъ. Въ такомъ случаѣ это было бы явленіе такъ называемаго «прислоненія» (Anlehnung). Мы лично пока еще затрудняемся отдать предпочтеніе какому нибудь изъ этихъ предположеній[3]).

8) **Коганъ* (Д. 250, Б III, 377). Прототипъ этого слова несомнѣнно турецкое «kaҕan» (въ древнемъ орхонскомъ начертаніи

---

1) Древнѣйшее (1161 г.) начертаніе этого слова мы имѣемъ, кажется, на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, а именно «жьнчюгъ», И. И. Срезневскій, Др. пам. русск. письма и яз., стр. 66.

2) Несомнѣнно, что оно заимствовано русскими *не* изъ половецкаго языка, а изъ какого нибудь другого болѣе древняго діалекта, такъ какъ по Абу-Хайяну «жемчугъ» будетъ اِنْجُو інцӱ, (٣١), а Codex Cuman. p. 109 даетъ ingču (sic!).

3) И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ, присутствовавшій на моемъ докладѣ, высказался прямо въ пользу *перваго* на томъ основаніи, что психологическая группа словъ на «угъ» въ русскомъ языкѣ не настолько сильна, чтобы вызывать передѣлку иностранныхъ словъ «по аналогіи».

[illegible]). Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что въ двусложныхъ турецкихъ заимствованныхъ русскими словахъ гласные «а—а» систематически замѣнялись чередованіемъ «о—а», напр. «товаръ» изъ «тавар», «боянъ» (=бојан) изъ «бајан» и т. п.

9) *Кощей.* Значеніе этого слова въ СПИ и другихъ древнерусскихъ памятникахъ можно считать вполнѣ установленнымъ; это — плѣнникъ, рабъ, слуга, притомъ чаще всего употреблявшійся для ухода за лошадьми, для службы въ обозѣ и т. п. (Б III, 398)[1]). Изъ трехъ мѣстъ СПИ, въ которыхъ встрѣчается это слово, только одно съ перваго взгляда возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности такого пониманія слова «кощей», а именно то, гдѣ эпитетъ «поганаго кощея» прилагается къ Кончаку (Д 160); однако уже и Дубенскій (160, прим. 115) и Барсовъ (стр. 388 и 399) справедливо указали, что Кончакъ былъ разбитъ Игоремъ въ 1171 году и *одно время состоялъ у него на службѣ*,—вотъ этимъ то послѣднимъ обстоятельствомъ и язвитъ пѣвецъ СПИ ненавистнаго вассала-измѣнника, слугу, забывшаго Игореву хлѣбъ-соль. Правильное, но недостаточно полное и точное указаніе на происхожденіе этого, внѣ всякихъ сомнѣній, турецкаго слова сдѣлано впервые, если не ошибаемся, г. Каллашемъ въ XXIII томѣ Русск. Филологич. Вѣстн. за 1890 г. стр. 112 и 113. Каллашъ ссылался на статью В. Наливкина «Опытъ статистическаго очерка кишлака Нанай» (Труды Сыръ-Дарьинскаго Обл. Статист. Комит. за 1887—88). Въ ней на стр. 23 упоминается о существованіи въ этомъ кишлакѣ особаго рода работниковъ, носящихъ названіе «кошчи»[2]). Какъ видно изъ той-же статьи В. Наливкина (стр. 19) названіе ихъ происходитъ отъ слова «kош» въ значеніи «плугъ въ запряжкѣ», а это послѣднее значеніе вытекаетъ изъ болѣе общаго значенія этого слова — «пàра». Только что приведенное значеніе для слова

---

1) Этимологически совершенно невозможно производство слова «кощей» отъ «кощунить», предложенное А. И. Лонгиновымъ (l. c.), стр. 81 и слѣд.

2) Г. Каллашъ по недоразумѣнію предположилъ, что именительный падежъ этого слова — «кошча».

«кошчи» могло явиться только у турокъ-земледѣльцевъ, знакомыхъ съ плугомъ и съ разными видами землепользованія, такъ что несомнѣнно *не* въ этомъ смыслѣ употреблялось оно у нашихъ сосѣдей-турокъ X, XI и XII вѣковъ. Дѣло въ томъ, что слово «кош» (قوش) имѣетъ въ турецкомъ языкѣ весьма широкое распространеніе и, какъ кажется, нѣсколько различныхъ значеній. Одно изъ самыхъ древнихъ это — «кочевой поѣздъ», т. е. вереница навьюченныхъ животныхъ, арбъ и состоящихъ при нихъ людей[1]). Отсюда первоначальнымъ значеніемъ слова «кошчы»[2]) (قوشچی) будетъ «состоящій при такомъ поѣздѣ, обозный» и т. п. Навьючиваніе и развьючиваніе животныхъ, уходъ за ними, сниманіе и установка кибитокъ возлагалась у турокъ преимущественно на женщинъ и рабовъ, такъ какъ назначеніе свободнаго мужчины, это — охота, воинскія упражненія, игры, скачки и наконецъ война. Однако и для службы въ обозѣ требовалось проворство и ловкость, какъ напр. видно изъ характернаго мѣста у Рашидъ-эд-Дина, персидскаго историка начала XIV вѣка, который говоритъ, что Чингизъ ханъ «сдѣлалъ табунщиками, давъ имъ на руки багажъ тѣхъ, которые были проворны и ловки»[3]). По примѣру турокъ и русскіе стали называть своихъ рабовъ изъ плѣнниковъ турецкаго племени «кощеями»; ихъ заставляли ходить за лошадьми, нести службу въ обозѣ и т. п., ибо именно къ этого рода работѣ они были особенно привычны и пригодны. Случалось, что изъ нихъ, какъ и вообще на Востокѣ изъ обращенныхъ въ рабство плѣнниковъ, формировались отряды, которыхъ особенно не жалѣли въ бояхъ. Далѣе «кощеями» называли русскіе турокъ и ихъ князьковъ, «задавшихся» за русскихъ кня-

1) В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій II, 636, 4).

2) Послѣ «ш» и «ч» «ы» слышится часто съ оттѣнкомъ «і», что и даетъ разницу въ транскрипціяхъ у различныхъ лицъ.

3) Мѣсто это приведено В. Бартольдомъ по другому поводу, см. Зап. Вост. Отд. Имп. Р. А. Общ. т. VIII, 206. Изъ него видно между прочимъ, что нѣтъ основаній считать этихъ «обозныхъ» жалкими, изможденными рабами, да и вообще представлять себѣ рабовъ непремѣнно изнуренными и костлявыми совершенно неправильно (Ср. Б III, 398).

зей, т. е. ставшихъ ихъ вассалами или, такъ сказать, младшими союзниками. Такъ какъ людямъ свойственно подчасъ относиться нѣсколько свысока и презрительно къ слугѣ или вассалу, особенно когда онъ провинится, то и слово «кощей» иногда пріобрѣтало нѣсколько пренебрежительный или бранный оттѣнокъ; искони браннымъ оно *не* было, ср. П. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ, 157. Укажемъ еще, что вѣроятно именно это слово или равносильное монгольское стояло вмѣсто слова «конюси» въ подлинномъ обращеніи татаръ къ русскимъ князьямъ, желавшимъ заступиться за половцевъ, а именно (Новгородская лѣтопись по харатейному списку, 1888, стр. 217): «Придохомъ Богомъ пущени на холопы и конюси свое на поганыя Половче». Со стороны формы остается еще указать, что турецкій суффиксъ «чы, чі» (جی) систематически передѣлывался русскими въ -чей; наиболѣе извѣстный примѣръ «казначей» = тур. «казначы» (казна = арабскому خزينة)[1]). Въ формѣ прилагательнаго «кощіево» въ СПИ сохранилась болѣе примитивная форма этого слова. Замѣтимъ кстати, что кошемъ называется по турецки также «станъ, лагерь кочевниковъ», «юрта или группа юртъ, въ которыхъ живутъ рабочіе и слуги». Въ первомъ изъ этихъ значеній это слово извѣстно и въ русскомъ языкѣ, см. «кошь» въ Матер. для Словаря, И. И. Срезнев-

1) Интересный вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ къ слову «кощей, *пльнникъ, рабъ, слуга*» сказочный «кощей безсмертный» и вѣроятно стоящій съ нимъ въ связи «кощей» въ значеніи «старый скряга», мы предпочитаемъ оставить открытымъ. Если эпитетомъ «шолудиваго Буняки» былъ *первоначально* «костій, костѣй», то исконнаго этимологическаго родства между нимъ и «кощеемъ» турецкаго корня нѣтъ. Но если къ Бунякѣ, подобно тому какъ къ Кончаку, *искони* на Руси прилагался эпитетъ «кощей», а *потомъ* уже къ Бунякѣ-кощею были пріурочены легенды о выходцѣ съ того свѣта, скелетѣ, упыревидномъ существѣ и пр., то возможно, что «кощей» СПИ и «кощей» сказокъ этимологически тождественны. См. Кіевская Старина, Дек. 1887 г., стр. 266—273 любопытнаго изслѣдованія о Бунякѣ II. Кузьмичевскаго. Половецкій ханъ Бонякъ *вполнѣ могъ* называться кощеемъ въ смыслѣ помощника, союзника, ибо въ 1097 году онъ былъ имъ у Давида Игоревича и сражался противъ венгровъ, стоявшихъ за Ярослава Святополковича, Лѣтоп. по Ипатск. сп. 177—178.

скаго; отъ него несомнѣнно казаки образовали слово «кошевой», которому въ турецкомъ соотвѣтствуютъ قوش بيكى кош бäгі, *князь коша*, или قوش باشى кош башы, *глава коша* или (у казакъ-киргизовъ) кос аҕасы, *господинъ коша*.

10) **Ногата*. Слово это съ яснымъ значеніемъ какого то рода монеты встрѣчается и во многихъ другихъ русскихъ памятникахъ домонгольскаго времени. В. Тизенгаузенъ первый высказалъ предположеніе, что это слово вышло изъ арабскаго نقد нaкд, *деньги, наличныя деньги, полноцѣнная монета*. По словарю Дози نقد значило вообще «серебряная или золотая монета», иногда даже служило синонимомъ слово درهم дірһäм, *диремъ*. (Зап. Вост. Отд. Имп. Р. А. О. I, 239). Предположеніе это кажется намъ очень удачнымъ. Глухой заднеязычный «k» (ق) очень трудно отчетливо артикулировать непосредственно передъ звонкимъ язычно-альвеолярнымъ «д» (د), такъ что онъ легко могъ перейти въ «г»[1]), послѣ чего вѣроятно конечный «д» «отвердѣлъ» въ «т». Какъ разъ такую форму этого слова въ транскрипціи «nagt» мы находимъ въ Codex Cumanic. со значеніемъ «pecunia, سيم (т. е. серебро), асса (т. е. деньги)». Затѣмъ уже вѣроятно на русской почвѣ между «г» и «т» развился гласный звукъ и получилась форма *нагат, перешедшая затѣмъ въ *ногат (см. выше п 8). Женскій родъ былъ усвоенъ этому слову уже впослѣдствіи, вѣроятно по аналогіи со словами «гривна, куна, резана». На подробностяхъ исторіи фонетическаго развитія этого слова настаивать конечно мудрено; мы допускаемъ, что возможенъ и такой ходъ: нaкд, нагд, нагад, нагат, ногат, ногата.

11) *Ортъма* (Д. 50, Б II 20)[2]). Уже И. Н. Березинъ въ

1) Изъ нѣкоторыхъ указаній арабскихъ грамматиковъ можно заключить что ق вообще діалектически произносился вродѣ «г», см. у насъ «Арабъ-Филологъ о турецкомъ языкѣ» стр. XXXIII, примѣч. 2. Бар. В. Р. Розенъ замѣтилъ во время чтенія нашего доклада, что діалектически произношеніе ق какъ «г» и теперь наблюдается.

2) Слово это кажется ἅπαξ λεγόμενον. Не знаемъ, насколько правильно сопоставленіе его съ болгарскимъ «фортома = ортама» (Матер. И. И. Срезневскаго).

Москвитянинѣ 1854 г. VI, 71 указалъ, что это слово хорошо объясняется изъ одного турецкаго *корня*, хотя такого *слова* въ турецкомъ языкѣ и до сихъ поръ ни въ одномъ діалектѣ или памятникѣ не найдено.— Корень этотъ اورت ört, *покрывать*; отъ него въ турецкомъ языкѣ извѣстны образованія اورتو, اورتى örtü, и اورتوك örtük, со значеніемъ «покрышка, покрывало, попона». Подобное же значеніе вполнѣ могло имѣть образованное посредствомъ весьма употребительнаго суффикса مه mä, имя существительное *اورتمه örtmä. Нахожденіе его въ СПИ рядомъ съ «япончицами» еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе. Стоящій послѣ «р» «ь» указываетъ, по нашему мнѣнію, на нѣбный характеръ гласныхъ звуковъ его турецкаго прототипа; для передачи чуждыхъ русскому языку нѣбныхъ гласныхъ «ÿ, ö» въ иностранныхъ заимствованныхъ словахъ русскіе часто прибѣгали и прибѣгаютъ къ «мульированію» конечныхъ или серединныхъ согласныхъ даннаго слова. Максимовичъ сближалъ «орьтъма» съ куманскимъ артмаk, *саквы*, но съ формальной стороны необъяснимо, куда дѣвался конечный «k», и почему въ русской формѣ этого слова послѣ «р» стоитъ «ь».

12) **Салтанъ* (Д. 158). Несомнѣнно заимствованное турками (вѣроятно черезъ персовъ) арабское слово سلطان суlтан.

13) **Харалугъ* (и его производныя: «харалужный» и т. д.). Въ турецкомъ происхожденіи этого слова мы не сомнѣваемся, хотя значеніе «булатъ, сталь» для него въ турецкомъ языкѣ и не удостовѣрено. Корень его несомнѣнно «kара, *черный*. «К» во многихъ турецкихъ діалектахъ произносится съ ясною рекурсіею «х», а спорадически даже переходитъ въ «х» въ различныхъ позиціяхъ. Особенно распространенъ этотъ перебой k || х въ современномъ адербейджанскомъ діалектѣ. Что касается въ частности начальнаго звука слова «kара» и производныхъ отъ него, то онъ въ Codex Cuman. трижды транскрибированъ черезъ «k» и четырежды черезъ «ch», т. е. «х», изъ чего ясно, что и половцы по крайней мѣрѣ частью произносили его какъ «х». Суффиксъ -луг (точнѣе -луɣ, لوغ) очень употребителенъ въ турецкомъ языкѣ

для образованія именъ отъ прилагательныхъ. Судя по значенію такого рода именъ вообще, «харалуҕ» или въ русскомъ произношеніи можетъ быть «харалугъ»[1]) должно было буквально значить: «чернота, чернь, черное и т. п.»[2]).

Эпитетъ «kара, *черный*» нерѣдко прилагается въ турецкихъ языкахъ къ словамъ «сталь, чугунъ» (см. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій В. В. Радлова II, 137), такъ что ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что харалуҕ'омъ въ какомъ нибудь діалектѣ называли какой нибудь сортъ «вороненой» стали, а потомъ можетъ быть и стали, булата вообще. Въ виду того, что это образованіе въ Cod. Cuman. звучитъ «karalic» и значенія «сталь» не имѣетъ, можно думать, что «харалугъ» заимствовано русскими не у половцевъ.

14) *Хорюговъ*. Первоначальная форма этого слова «chorongy» (F. Miklosich, Etymolog. Wörterbuch S. 89) дѣлаетъ совершенно невозможнымъ сближеніе его съ турецкимъ قويروق kyjpyk, *хвостъ*. Болѣе вѣроятнымъ является монгольскій прототипъ его ܐܘܪܘܓܐ ороңго, *знамя* (F. Miklosich, Die türk. Elem. I, 100, Arch. IX, 513). Въ одномъ довольно древнемъ арабско-монгольскомъ глоссаріи, который мы надѣемся вскорѣ издать, цѣлый рядъ словъ, начинающихся по словарямъ на гласные звуки, является съ придыханіемъ h (ه). Можно поэтому предположить, что и «ороңго» діалектически произносилось «hороңго». Неясно только, какимъ путемъ это чисто монгольское слово могло попасть въ славянскій языкъ въ столь древнее время.

15) *Чага*. Значеніе этого слова изъ контекста ясно: это— половецкая «дѣвушка»[3]). По Абу Хайяну (стр. ٥٨) جغا чаҕа, значитъ «цыпленокъ, птенецъ», на урянхайскомъ діалектѣ «чаҕа» значитъ «медвѣженокъ», на хамійскомъ —«ребенокъ»; по джагатайскому словарю Шейха Сулеймана Бухарскаго (Стамбулъ

---

1) Произношеніе «г» какъ «h» появилось въ русскомъ языкѣ не ранѣе XII в. А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, стр. 45.

2) Ср. Cod. Cuman. 262 karalic, *atramentum*, *nigredo*.

3) Ср выше въ СПИ «помчаша красныя дѣвкы половецкыя» (Д. 48).

1298 г. мусульм. эры) جاغا чаға, значитъ между прочимъ «дитя, ребенокъ, цыпленокъ». Въ діалектѣ, изъ котораго русскіе заимствовали это слово (половецкомъ?) значеніе его было значить болѣе спеціальное, а именно «дитя женскаго пола, дѣвочка, дѣвушка». Остатокъ именно такого значенія слова جاغا чаға, можно видѣть въ казакъ-киргизскомъ діалектѣ въ оборотѣ «бала шаға» (шаға = جاغا), который значитъ «всѣ дѣти». Такого рода «пàры словъ» для выраженія сложныхъ или собирательныхъ понятій вообще весьма употребительны въ турецкомъ языкѣ, а, такъ какъ сынъ цѣнится на Востокѣ вообще выше дочери, то, надо думать, въ сочетаніи «бала шаға» «бала» именно значитъ «сынъ, мальчикъ», а «шаға» — «дочь, дѣвочка» [1]).

16) **Шереширъ*. Въ СПИ Святославъ, обращаясь къ князю Всеволоду, говоритъ «Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы» (Д 150, Б II 48—49). Изъ этого мѣста совершенно ясно, что «шереширъ» былъ какой то *снарядъ*, *которымъ стрѣляли*, а *не* орудіе, *изъ котораго* стрѣляли; шереширъ такимъ образомъ не можетъ значить «пищаль» или «самострѣлъ», какъ думали нѣкоторые толкователи СПИ (Д 150, прим. 93). Неудовлетворительны также и сближенія этого слова съ греческимъ σάρισα, *копье*, или польскимъ «шаршинъ, *мечъ*, *шпага*». Прототипъ этого слова и самый предметъ, имъ обозначаемый, найденъ нами, какъ мы надѣемся доказать, на мусульманскомъ Востокѣ. Для насъ совершенно несомнѣнно, что прототипъ слова «шереширъ» есть персидское словосочетаніе تیر جرخ тір-і-чàрх, *стрѣла или снарядъ «черха»*, т. е. особаго рода катапульты въ видѣ громаднаго самострѣла, изъ котораго пускали и огромныя металлическія стрѣлы, и, что для насъ особенно важно, металлическіе сосуды или трубки, наполненные горючими или взрывчатыми составами, различные виды которыхъ были извѣстны на Востокѣ и въ Византіи даже го-

1) Слово «бала, *дитя*» въ казакъ-киргизскомъ діалектѣ вообще преимущественно значитъ «сынъ».

раздо раньше XII в. по Р. Х. Для правильнаго истолкованія вышеприведеннаго мѣста СПИ и самаго слова «шереширъ» большую важность представляетъ слѣдующее мѣсто Ипатской лѣтописи. Подъ 1184 годомъ значится, что Кончакъ пошелъ на Русь «яко плѣнити хотя грады Рускыѣ и пожещи огньмь: бяше бо обрѣлъ мужа такового *бесурменина*[1]), иже стрѣляше живымъ огньмь, бяху же у нихъ[2]) *луци тузи самострѣлнии*, одва 50 мужь можашеть напрящи»[3]). Далѣе изъ лѣтописи видно, что именно одинъ изъ Глѣбовичей (Володимѣръ) былъ тогда отряженъ «в наворопъ» (т. е. въ разъѣздъ, передовой отрядъ) вмѣстѣ съ Мстиславомъ Романовичемъ, и именно этотъ передовой отрядъ и отразилъ тогда Кончака: «Кончакъ же то видивъ, за нѣ утече чересъ дорогу, и мьншицю (т. е. младшую жену) его яша, и *оного бесурменина яша, у него же бяшеть живый огнь*, то и того ко *Святославу* приведоша со устроеннымъ (огнемъ)» и т. д.[4]).

Изъ этого мѣста лѣтописи ясно, что искусникъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ, попалъ какъ то на службу къ Кончаку съ *мусульманскаго* Востока («бесурмснинъ»); оттуда-же конечно заимствовалъ онъ и тугіе, самострѣльные луки, которые едва натягивали пятьдесятъ человѣкъ, и весь вообще примѣнявшійся имъ способъ стрѣлянія «живымъ огнемъ». Такого рода огромные самострѣлы-катапульты носили на мусульманскомъ Востокѣ названіе چرخ чăрх (كمان سخت و بزرك نوعى از منجنيق)[5]). (См. объ этомъ орудіи E. Rehatsek, Notes on some Old Arms and Instruments of War, chiefly among the Arabs[6]) въ The Journal of

1) Курсивъ вездѣ нашъ.

2) Варіантъ «у него» (лучше!).

3) Лѣтопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 428.

4) Ibid. стр. 429.

5) چرخ слово несомнѣнно индоперсидское (см. P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893, 97) и значитъ первоначально «кругъ, колесо». Тетива небольшихъ ручныхъ самострѣловъ натягивалась при помощи особаго «кольца» (по персидски زه‌گير), надѣвавшагося на большой палецъ. Роль этого кольца играло въ большихъ самострѣлахъ-катапультахъ цѣлое «колесо», отсюда они и названы были چرخ'ами.

6) Указаніемъ на эту статью мы обязаны К. А. Иностранцеву.

the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society 1880, vol. XIV, p. 226). Они были извѣстны не только персамъ, но и арабамъ, и самое слово جرخ въ формѣ جرخ ҷарх, несомнѣнно было извѣстно арабамъ уже въ XII вѣкѣ, такъ какъ встрѣчается у арабскаго историка Имадъ-эд-Дина Исфаганскаго, умершаго въ 1200 или 1201 г. по Р. Х. (M. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, p. 285), и у другого арабскаго писателя Беһа-эд-Дина († 1235 по Р. Х.), см. M. Reinaud, De l'art militaire chez les arabes au moyen âge (Journ. Asiat. 1848, XII Sept. 213). Въ эпоху крестовыхъ походовъ искусство «стрѣлянія огнемъ» очень оживилось и усовершенствовалось на мусульманскомъ Востокѣ, причемъ горючимъ составомъ служила преимущественно смѣсь нефти съ нѣкоторыми другими веществами; составъ назывался обыкновенно просто نفط нафт, *нефть*. Такъ напр. историки Ибн-ал-Асиръ († 1233) и Беһа-эд-Динъ († 1235) разсказываютъ, какъ въ 1190 г. во время осады крестоносцами города Акки (S. Jean d'Acre, عكّا) были сожжены мусульманами три осадныя башни именно путемъ метанія въ нихъ изъ катапультъ усовершенствованнаго какимъ-то выходцемъ изъ Дамаска горючаго состава изъ нефти; метался онъ, по Ибнъ-ал-Асиру, въ горшкахъ, по Беһа-эд-Дину, въ мѣдныхъ котлахъ[1]). Снарядъ «черха» было въ высшей степени естественно назвать تيرجرخ тір-і-чарх, *стрѣла черха*, и дѣйствительно съ этимъ словосочетаніемъ мы встрѣчаемся въ сочиненіяхъ персидскихъ историковъ Ала-эд-Дина Джувейни († 1283 г, окончилъ свой трудъ въ 1260 г.) и Рашидъ-эд-Дина († 1318 г., окончилъ свой трудъ въ 1310 или 1311 г.). Слово تيرجرخ тір-і-чарх, встрѣчается у нихъ въ описаніи по-

1) M. Reinaud, Extraits des historiens arabes relatifs aux guerres des croisades, 1829, p. 263—266. Греческій огонь тоже метался между прочимъ въ котлахъ или трубкахъ, Gfrörer, Byzantinische Geschichten II, 422. M. Reinaud, De l'art milit. etc., 217, сообщаетъ, что и изъ ручныхъ самострѣловъ (زنبورك) метали на Востокѣ горючія вещества, загоравшіяся при паденіи.

ходовъ Чингизъ-хана, т. е. событій, относящихся къ двадцатымъ годамъ XIII-го вѣка и раньше. Особенно интересно мѣсто у Джувейни, повѣствующее объ одномъ эпизодѣ при взятіи Чингизъ-ханомъ Самарканда[1]): когда монголы ворвались въ городъ то «тысяча человѣкъ выдающихся бойцовъ и богатырей укрѣпились въ соборной мечети и вступили въ бой. Такъ какъ они пустили въ ходъ нефть и «тиричерхи»[2]), то и люди Чингизъ-хана также прибѣгли къ помощи сосудовъ съ нефтью, и соборная мечеть и всѣ, кто въ ней находились, были сожжены огнемъ этого міра и омыты водою вѣчной жизни»[3]). Повидимому تیرجرخ даже преимущественно означало снарядъ съ горючимъ составомъ, а въ болѣе позднее время это сдѣлалось его *исключительнымъ* значеніемъ, какъ видно изъ словаря Бурhани Ка́ти (برهان قاطع)[4]), гдѣ дается такое объясненіе этого слова: «Это — предметъ вродѣ воздушной стрѣлы (تیر هوائی), который дѣлаютъ изъ желѣза; внутренность его наполняютъ порохомъ (باروت) и, зажегши, мечутъ на врага». Въ турецкой обработкѣ этого-же словаря сказано еще яснѣе: Это — «сдѣланная изъ желѣза продолговатая трубка въ видѣ воздушной ракеты (هوا فشکی شکلنده), внутренность которой наполняютъ порохомъ и которую въ ка-

---

1) См. Ch. Schefer, Chrestomathie persane, II, 1885, персидскій текстъ Джувейни, стр. ۱۳۶, третья строка снизу и слѣд.

2) По законамъ персидской реторики въ этой фразѣ «тиричерхъ» долженъ именно быть синонимическимъ выраженіемъ для той-же нефти.

3) Другія мѣста, гдѣ تیر چرخ употребляется повидимому въ значеніи огромной стрѣлы, см. Ch. Schefer l. c. стр. ۱۴۲,21 и ۱۳۷,18 (чит. несомнѣнно تیر چرخ вмѣсто تیز چرخ). تیر چرخ у Рашидъ-эд-Дина, см. Труды Восточн. Отдѣленія Имп. Р. А. Общ., т. XV, 1888, персидскій текстъ исторіи Чингизъ хана въ изд. И. Н. Березина, стр. 115—116, а также стр. 75, гдѣ вмѣсто تیر خرج несомнѣнно слѣдуетъ читать تیر چرخ. Это словосочетаніе встрѣчается и у персидскаго историка XV вѣка, Мирхонда, см. E. Rehatsek, l. c. p. 258.

4) Словарь этотъ составленъ по различнымъ болѣе древнимъ источникамъ въ 1651—1652 г. по Р. Х. Авторъ его: Мухаммедъ Хусейнъ ибн-Халафъ Тэбризскій; см. Ch. Rieu, Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum, II, p. 500.

чествѣ метательнаго снаряда бросаютъ на войнѣ на враговъ». Слово باروت, *порохъ*, употребленное въ этомъ словарѣ, конечно имѣло въ болѣе древнія времена не совсѣмъ то значеніе, какое имѣетъ это слово теперь или даже имѣло въ XVII вѣкѣ; имъ назывались и нѣкоторые болѣе простые и менѣе дѣйствительные горючіе или даже взрывчатые составы, бывшіе извѣстными задолго до изобрѣтенія настоящаго пороха [1]).

Итакъ «бесурменинъ» Кончака стрѣлялъ «живымъ огнемъ» изъ самострѣловъ-черховъ снарядами, носившими названіе «тиричерхъ», *Глѣбовичъ* Владиміръ взялъ его въ плѣнъ въ 1184 г. и привелъ къ Святославу, — понятно, почему пѣвецъ СПИ назвалъ именно сыновъ *Глѣбовыхъ* «шерешірами» и вложилъ всю рѣчь съ упоминаніемъ о шерешірахъ въ уста именно Святослава [2]).

Обращаясь къ формѣ слова «шерешіръ», замѣтимъ, что въ устахъ половцевъ персидское «tîr-i-čârx» легко могло превратиться въ *tîr-i-čâr и въ *čîr-i-čâr; дальнѣйшее искаженіе его произошло уже на русской почвѣ, причемъ причины его для насъ не вполнѣ ясны, какъ это часто бываетъ, когда дѣло идетъ объ искаженіи болѣе или менѣе длинныхъ иностранныхъ словъ, особенно если въ нихъ повторяются одни и тѣ-же звуки.

По поводу слова «шерешіръ» позволимъ себѣ еще высказаться за предположеніе, сдѣланное еще Дубенскимъ, что русскій синонимъ его есть «пламянъ рогъ» (Д. 98 «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли смагу мычючи въ пламянѣ розѣ»). Не намекаетъ-ли и здѣсь пѣвецъ СПИ на знаменитое стрѣляніе живымъ огнемъ бесурменина? Въ такомъ случаѣ «смага» есть названіе того горючаго состава, которымъ наполнялъ бесурменинъ свои «шерешіры», а это въ свою очередь находитъ себѣ подкрѣпленіе въ древнѣмъ названіи пищали «сма-

1) По этому вопросу см. статью M. Quatremère'a въ Journ. Asiat. 1850, Févr. Mars.

2) Несомнѣнно, что въ лѣтописи и въ СПИ разумѣется Святославъ Всеволодичъ Кіевскій.

говница», на что указывалъ уже Вельтманъ (Д 98 и 99 прим. 328, 329 и 330)[1]). Въ недостаточно хорошо разъясненныхъ словахъ «Карна и Жля» не кроется-ли просто имя «бесурменина»?[2]) Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ отчасти и единственное число глагольныхъ формъ «кликну» и «поскочи»... Въ заключеніе укажемъ на то, что *подобное* объясненіе этого труднаго мѣста предлагалось до насъ цѣлымъ рядомъ истолкователей СПИ, см. Б II 206—210, изъ коихъ первый Грамматинъ еще въ 1809 году обратилъ вниманіе по поводу его на лѣтописное извѣстіе о стрѣлявшемъ живымъ огнемъ бесурменинѣ. Suum cuique!

17) **Япончица* (Д 50). Уже И. Н. Березинъ указалъ въ Москвитянинѣ (1854, VI, 71), что слово это есть заимствованное турецкое ياپانجه јапанча, или يايونجه јапунча, что значитъ «накидка, капюшонъ, родъ верхней одежды[3]) (См. П. Савваитовъ, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. Спб. 1896, стр. 183—184; F. Miklosich, Die türk. Elem. in den südost- und osteurop. Sprachen, I, S. 79, Матценауэръ, стр. 400). Слово это съ небольшими измѣненіями имѣется въ польскомъ языкѣ opońčza, а также въ болгарскомъ и сербскомъ. Джагатайская форма этого слова — يايونجى јапунчі (Словарь Л. Будагова) или ياينجى јапінчі (Словарь Шейха Сулеймана Бухарскаго); отъ джагатайской формы «јапунчі» теоретически возможна уменьшительная форма «јапунчіча», быть можетъ послужившая прототипомъ «япончицы» СПИ, хотя конечно «япончица» изъ «японча» могла образоваться и на русской почвѣ.

18) **Яруга* (Д 32 и 106). Изъ академическаго Областного Словаря сюда конечно слѣдуетъ привлечь «яругъ, *ручей*, *буеракъ* (тул.) и «еруга, *яръ*, *ровъ*, *яруга* (волог. яросл.). Ф. Микло-

1) По словарю Даля «смага» значитъ: 1) сухость, жаръ, горѣніе во рту, жажда; 2) сухость губъ, прѣль, накипь на губахъ; 3) копоть, чернота, обгорѣлое мѣсто, сажа

2) قرن الجلاء kapн-al-ṇālā? Оговариваемся впрочемъ, что подтвердить наличность такого мусульманскаго имени документально мы не можемъ.

3) Діалектически еще: попона, бурка, покрывало и т. п.

шичъ (Die türk. Elem. 80) приводитъ сербское «jaruga, *ровъ*», въ словарѣ Карловича «jaruga» переводится «bagno» (болото) или «горный потокъ» (potok gorski). Возможно, что слово это заимствовано въ весьма древнее время изъ турецкаго языка, гдѣ يارۇغ jaruğ, значитъ «трещина, разсѣлина, щель». Это слово въ различныхъ діалектахъ принимаетъ также формы «jarık, jaruk, jarik», а его окончаніе -уğ (-وغ) указываетъ какъ будто на принадлежность его къ одному изъ древнихъ южныхъ (или среднеазіатскихъ?) діалектовъ[1]). Несовсѣмъ яснымъ является для насъ конечный «а» въ словѣ «яруга»; вѣроятно онъ явился «по аналогіи», но какой? Слово «яръ, *крутизна, пропасть, обрывъ, оврагъ*» тоже несомнѣнно заимствованное турецкое слово يار jar. Слова يار и يارۇغ въ турецкомъ языкѣ этимологически связаны, но конечно заимствованы русскими каждое въ отдѣльности. Относить-ли къ этой-же группѣ слово آريق arık,— вопросъ очень спорный; осторожнѣе его для объясненія словъ «яръ, яруга» совсѣмъ не привлекать.

Разобранными словами исчерпывается, по нашему крайнему разумѣнію, лексическій запасъ, вошедшій въ СПИ изъ языковъ мусульманскаго Востока. Нѣкоторые изслѣдователи (Эрдманнъ, Березинъ и др.) считали еще нѣсколько словъ восточными, но ихъ сближенія положительно неосновательны, и объясненія этихъ словъ и связанныхъ съ ними мѣстъ СПИ слѣдуетъ искать во всякомъ случаѣ не на мусульманскомъ Востокѣ.

Платонъ Меліоранскій.

Январь 1902 года.

Академія

1) Тотъ-же характеръ имѣетъ окончаніе -луğ (لوغ) въ прототипѣ слова «харалугъ».